* * *

Опять поймал войны зовущий взгляд...
Взгляд раненого снайпера прощальный.
– Держись! – кричу в эфир. – Нет смерти, брат!
День не последний... На неделе крайний.

... – Эвакуация!
Кто сможет нас забрать?
Благослови Господь! Я с другом вместе...
– Прости, братан... Не выживу я, брат!
– И ты прости – в одном с тобой замесе.

– Всем! Всем!
Я – Верес, рядом Есаул...
Мы обездвижены... Оторванные ноги.
Нас арта бьёт... Услышьте этот гул...
Надеемся, ребята. Где ж вы, Боги?

– За нами не придут... Немец... нагнул!
– Хоть обмани: скажи, что парни вышли.
Орёт эфир:
– Держитесь!
– Верес!
– Есаул!
– Я отключаюсь... На земле я лишний.

Очнулся в темноте:
– Зачем ты здесь?
– Так за тобой, братиш... Вот бляха-муха!
Бинтует ноги:
– Окровавил весь...
Хоть не пою, слышь, для поддержки духа:

«А меня по ногам зацепило, кажись,
До чего же обидно, зараза.
А друг Васька меня приподнял:
Брат, держись!
Мы же родом с тобой из спецназа!»

* * *

Вкус горькой черемухи стыл на губах –
С надеждой живёт солдат.
Он шепчет меж стоном в пугающих снах:
– Домой я хочу... – И мат.

Память пронзило, как молния – взрыв.
Осколки. Чужое тело.
Курит сержант, огонёк прикрыв.
Снег розовый, а не белый.

Как много пройдено троп и дорог –
На каждой оставлена жизнь.
Дай Бог бы прожить двадцать пятый год –
Ты только не торопись!

* * *

Всё льётся, льётся кровь братьев-славян,
Питает землю общих древних предков
И убивает всходы у семян...
Но бессловесно трудится гашетка.

Земля и небо людям несут смерть!
Господь, ты где? Пометь вождей проказой!
Одну лишь жизнь бойцу дано иметь,
И целый мир с ним мы теряем разом.